

Камни на о. Ягры (г. Северодвинск). На таких камнях-постаменты (турелях) во время войны стояли зенитные установки.

Нина Брагина, г. Новодвинск

* * *

Что слышат камни? Шум прибоя,
Тревожных чаек крик ночной...
А эти? Созданы для боя -
Им берег охранять родной.

Что знают камни? Как металось
В тревоге пламя... Залпов вой!
И помнят камни, как достались
Покой и мир, какой ценой.

Лежат в воде, безмолвны, строги.
Война – давно... И тишина...
И увели солдат дороги -
Земля одна... На всех - одна.

Вода отступит, слезы-волны...
Отлив... рыданьем... Стих прибой...
Поглажу камень, горя полный,
Он воевал... За нас с тобой.

Медали

Вакорину Ивану Михайловичу посвящается

Видите, ребята?
Я держу медали!
Их в войне за подвиг
Дяде Ване дали.
Тяжело солдаты,
Долго воевали,
Чтоб жилось на свете
Людям без печали...
Чтобы больше мертвым
Не лежать солдатам!
Новые медали
Не держать ребятам.

О войне

Война стоит. Построилась на полках.
Века, секунды, опыт – всё без толка...
Не изменяют жизни ход года,
Ей не уйти из строя никуда.

Мужчины гибнут, воины, сыны
для жизни нашей, для родной страны.
Разрывы, смерти, бойня... Не унять.
Война живуча снова и опять.

Причина войн проста, страшна – нажива.
А сын, отец и муж на фото – живы...
И горе в сердце близких, и беда,
как в строках книг, – не выйти никогда.

Лишь здравый смысл кричит:
- Ну, где же милость?
Чтоб изменилось, изменилось, изменилось!

Марина Зарубина, г. Архангельск

За отвагу

«Ни шагу назад! Ни шагу!»
Сердца превращались в сталь.
Потертая «За отвагу»
У деда была медаль.

Карелия. Переправа.
Солдаты шли налегке.
Посыпалось слева, справа,
По берегу, по реке.

Смятение, суматоха,
Хотелось закрыть глаза.
А надо идти сквозь грохот,
Плоты в темноте вязать.

И вот из десятков бравых
Мальчишек - мужчин, ребят,
Осталось их - горсть, и права
Не стало глядеть назад.

Отчаянно шли по броду.
И разуму вопреки
Благодарили воду
Холодной, седой реки.

Дороже любых медалей
И подвигов боевых
Бойцам берега те стали,
Оставившие в живых.

Светлана Макарьина, г. Архангельск

Спи, мой правнук

«Спи, мой правнук», -
сухие ладони макушку трогают,
губы мякнут протяжной улыбкой, выдавшей всякое:
«Мы на равных:
тебе полгода, а мне много-многово,

только память все ближе к сердцу звонками брякает».

«Спи мой правнук.

Сопи себе мирно, любимец дедовый».

Кот крадется, охотясь за тапком. Секунды тикают.

«Мы на равных:

мое недетство с военными бедами,

твой неопыт и плач пацанский - не стоны с криками».

«Спи мой правнук,

мусоль кулачишки вкуснее патоки.

Шрамы ссадин и крепость пожатий им в жизни скрещивать.

Мы на равных!

И небо наше пусть будет в радугах,

души – в окнах. А сны о страшном совсем не вещими».

Анатолий Беднов, г. Архангельск

Диверсанты

В сауне парились лахтари.

А мы подкрались тихо – и на счет раз-два-три.

«Коктейль Молотова» мечем под дверь и в окно.

А снег-то под лыжами скрипит как сукно.

Прыгают из пламени в чем мать родила,

Голыми пузами ловя наши пули.

Падают распаренные тела,

Горящая баня гудит, как улей.

Таков диверсантский дивертисмент.

Косами кровавыми вертит смерть.

Забрали их винтовки и – была – не была!

Перед нами в сотню верст тайбола.

Сонная, мертвенная тайна бела.

То ли контужена, то ли больна, тайбола.

В холодные воды я нырял как дельфин,

По льдинам на брюхе я полз как тюлень.

Целился в меня белоглазый финн,

Слившись со снегом, укрывшись за пень.

Куковали «кукушки», сколько жить нам секунд.

Смертоносные пули многим путь пресекут.
А мы сами с усами. Гибнуть вам, знай, пора:
Падают как рябчики в сугроб снайпера.
Сколько осталось до станции Лоухи?
Лопоухая шапка впитала пот.
Хоть отстали финны, догоняют волки.
По тылам, по тайболе адский поход.
Промерзлые болота, багряный закат.
Со мною не колода, а планшет для карт.
С воинами нашими любит их рать
В карты штабные на жизни играть.
Ломаный валежник обогнула лыжня.
Ветерок наваял нам запах жилья.
А закат над тайболой почти догорел.
Постучали в избу – привечай, карел.
Шанежки да жареная камбала,
Семужка с морошкой – все деликатесы.
А проснемся – и опять тайбола,
Пятьдесят километров елового леса.
И, куда ни кинешь взор, тайга бела,
Тихая, зловещая тайбола.
Снежная и вьюжная кабала,
Восемь дней наша группа тобой брела, тайбола.
Показалась длинная нить реки,
А во льду промоины чернеют, коварные,
Среди нас не водятся нытики,
Еще поднатужимся, храбрые парни!
Там, за рекой будет Красная Армия.
Рыскала по тайболе серая стая,
Клацала зубами и нюхала следы.
Волки отстали, словно растаяли
В белом безмолвии... Теперь – лады.
За нашими спинами – сожженный штаб,
Лишь черная копоть на свежести снега.
Сделано дело, пройден этап.
Погиб помор Трескин, зырянин ранен, Маегов.
А кругом лежит из края в край, бела,
Гиблая и мерзлая тайбола.
Грязная и топкая в сезон тепла,

Лес с кривыми тропками, тайбола.

Батарея

Осенний вечер над сонною Карелией
Землей озер, буреломов и болот.
Здесь не пройдут пехотинцы с кавалерией,
Коль артиллерия путь им не пробьет.
Среди березок таятся наши пушки,
На Запад смотрят могучие стволы
Еще б «Катюши», чтоб, растуды их в душу,
Все укрепленья захватчиков смели.
Частушки, песни, да байки с прибаутками,
Смешит товарищей записной остряк.
А лейтенантик, отправившись за утками,
Добыл на заводи пару жирных крякв.
Жмут сапоги, до мозолей ноги стерли...
Мне б на побывку давно пора домой.
Полощет ветер портянки, гимнастерки,
Разносит по лесу дух пороховой,
Щец аромат, терпкий запах керосиновый.
А вещмешки за плечами как горбы.
Вот старшина тащит в каске подосиновик,
Бруснику алую, белые грибы.
Лягушки прыгают в кущах голубики,
Похожа ягода на глаза твои.
...Быть может, завтра найдут меня убитым
Под сенью сосен среди густой травы.
Придет зима – и накроет землю саваном,
Простынкой белою без казенных клейм.
Пора бы финнам задать такую сауну,
Чтоб взбеленился сам маршал Маннергейм!
На патефоне заиграна пластинка,
Слова припева как попугай твердит.
Наводчик пушки трофейной острой финкой
Ржаной ломоть разделил на четверых.
Про похождение плетет рассказ без логики
Герой-любовник, с Поволжья рядовой.
Солдаты клеят посланья-треугольники –

Летите, весточки, в тыл с передовой.
Ах, полюбуйтесь, как выстроились пушки,
Носы стальные с надменностью задрав.
В меня же целились финские «кукушки»,
Но пуля – дура, Суворов трижды прав.
Перед войною я жил – не бей лежачего,
В конторе теплой просиживал портки.
А вот теперь при орудье заряжающий,
И пусть трепещут фашистские полки!
Вся амуниция пропиталась потом,
Как будто сутки грузил мешки, кули.
А за деревьями булькает болото,
И с криком жалобным носится кулик.
Эй, землячок, на гармошке, знай, наяривай,
Вознаградим тебя щедро табаком.
Прекрасный вечер, когда бы не комарики,
Что тучей вьются над нашим биваком.
Боец усталый штыком щетину бреет...
Назавтра утром опять орудий гром.
Солдатам сердце согреет батарея,
Врагов же будет нещадно жечь огнем.

Конвой

Небесный купол громадной каскою.
В ушах оглохших застывший звон.
И море крашено серой краскою
Белы лишь гребни тяжелых волн.
В пучине шарят стальные рыбины.
Туман как вата на клочья рван.
Всего пол-кабельтова от гибели...
Рассеют, сволочи, караван!
А капитан торчит верстой коломенской,
Вертит бешено головой.
То ли Бог, то ли царь голоменный.
Примет к себе конвой!
Опять сирена ревет из раструба –
Вот слух прорезался. А дело – швах:
Кружат над морем стальные ястребы.

Броня, обшивка трещит по швам.
Я, мертвой хваткой вцепившись в поручень,
На птиц железных направлю взгляд.
Разбита рубка, и связь испорчена.
И в небе пекло, и в море ад!
А утопающий за соломинкой
Потянулся... Да где она?
Ты не жди меня, царь голоменный.
Дотяну дотемна...
Уходят, гады, петляя зайцами -
Кому охота в пучину пасть?
Сегодня фрицам надрали задницы!
Ах, вот ведь черти, летят опять...
А перед нами, охвачен пламенем,
Уже кренится корабль-сосед.
И от второго обломки плавают:
Он жертва бомб и мишень торпед.
По морю серому чертой изломанной
Прочертила судьбина курс.
А на дне морском царь голоменный
В страхе прячется, трус!
Матросик раненый, как под пыткую,
Вопит, бедняга: то плач, то вой.
А горизонт темно-синей ниткою
То под ногами, то над головой.
Морская бездна с небесной бездною
Сомкнули створки – и не уйдешь.
У миноносца кишки железные
Торчат наружу, вгоняют в дрожь.
Радиомачта как хрящ обглоданный,
Развороченный бомбой ют.
Не дождешься нас, царь голоменный:
Слышишь, зенитки бьют?

Десант

Весь день содрогаются скалы и воздух
От взрывов и криков «ура!»
Гранаты летят в пулеметные гнезда,

Объяты огнем катера.
Петры, Федосеи, Степаны, Иваны,
Отборный поморский десант,
Теснит с побережья пришельцев незваных,
В сраженьях творит чудеса.
Здесь лай пулеметов как адская псарня,
И слепнет разбитый маяк.
Но бьются поморы на узком плацдарме,
На скользких прибрежных камнях.
А где-то деревня, и мать в сарафане,
И дружный рыбацкий колхоз,
И дедовский карбас... Вперед, северяне,
Все выдержит русский матрос!
Атака – и снова сошлись в рукопашной.
Не с вами, захватчики, Бог!
Зря думал, колбасник, что здесь окопавшись
Ты участи общей избёг.
Дубасят приклады фашистские морды,
А пули свистят как чижи.
И братской могилою станут фиорды
Для многих своих и чужих.
А немцам казалось: прорвало плотину.
Берсеркеров древних страшной,
Поморы колючую рвут паутину
И гонят врага из траншей.
На яростных лицах и шрамы, и копоть,
Во взорах жестокий азарт.
Попятились фрицы, оставив окопы.
Зря оберст кричал им «Назад!»
Вот так-то вершится истории драма.
Громит супостатов десант.
Он с карты стирает штыками «Петсамо»,
Чтоб «Печенга» кровью вписать.

***

Небеса раскинули мрачный черный стяг.
Там зарницы, сполохи – то воздушный бой.
Демоны и дьяволы, хоть крыла в крестах,
И стальные ангелы с алою звездой.
Крестоносных демонов пули решетили,
Весело дырявили морды и хвосты.
В воздухе качаются их парашютисты.
Тихо опускаются с жуткой высоты.
«Метеоры» мечутся среди недвижных звезд,
Грозный вой мешается с резким тра-та-та.
Плетками свинцовыми пулеметы – хлест!
Асов может выручить только быстрота.
Распахнулся купол, и натянулись стропы.
Самолет подстреленный покидает враг.
Но не спас стервятника весь военный опыт,
И в потоках воздуха кружится мертвяк.
«Юнкерс» был чудовище, стал металлолом.
Угодила очередь прямо в бензобак.
Яркою кометою рухнул за селом,
Разбудив хозяев и всполошив собак.
Воздадимте должное – немец храбро бился,
Да не будет взрывами землю молотить.
А второй, наверное, раньше отбомбился.
Опорожнил брюхо-то и к своим летит...
Но и нашим соколам не всегда везет:
Крылья покалечены, двигатель сипит.
Иногда и ангелы падают с высот,
И лежат убитые посреди степи.
Супостатам выжившим – лагеря для пленных
А о землю шмякнетесь – кости не собрать.
Бесы крестоносные – армия геенны,
Эскадрилья звездная – ангельская рать.

Михаил Зиновкин, г. Архангельск

Речка и поле

Нет ни речки, ни поля, ни цепи солдат –
Лишь четырнадцать коек и белый халат,
И колючий осколок в нестрашные мягкие ткани.
Нет ни поля, ни речки – они где-то там,
Где промозглая вечность и взорванный танк.
Эта память страшнее, чем мятое фото на память.

Эта память страшнее всех явей иных:
Кровь на грязной шинели и чувство вины,
И огромная пропасть в твоём искалеченном сердце,
Где ни речки, ни поля – песок да зола,
Где ты снова не воин – убитый солдат.
Где от чёрного солнца в беспмятство только и деться,

Ведь ни поля, ни речки в беспмятстве нет.
Плачет по-человечьи холодный рассвет,
И осколок пульсирует болью, забыть не давая
Эти речку и поле – овёс да камыш.
А про всё остальное потом промолчишь,
Возвратившись однажды туда на девятое мая.

твою дивизию

твою дивизию сняли с марша – латать прорехи любой ценой. радистки в штабе – такие машины, что забываешь про позывной. пусть на исходе и рис, и рислинг, зато махорки ещё сполна. холодный лоб допекают мысли о том, что завтра была война, что в рукотворных полях под Ржевом уже заряжено вороньё. и солнце тщетно забилося в жерла – такое близкое и своё, и каждый первый боится сгинуть, а каждый третий зовёт Отца, но строго смотрят с портрета в спину усатый вождь и двуглавый царь, толкая грудью на амбразуры. не жаль патронов и кумача, ведь вбито накрепко: пули – дуры, а штык – особенная печаль.

твою дивизию враг не любит и накрывает огнём с небес – опять мешаются кони, люди, железо, дерево и свинец. и вот в такой трансцендентной каше вариться заживо дан приказ. орудий туберкулёзный кашель, воронки, взрывы, кровавый наст – по-настоящему, больно, насмерть. бежать, захлёбываясь «ура», бог завещает армейской пастве – добро с винтовкой

добрее добра, а это значит: назад ни шагу. сто грамм для храбрости, и в окоп. и снова трассеры вместо радуг дырявят сонное молоко, которым выпиты синь и осень, иприт и радий. и поутру одни других умереть попросят, руками трогая кобуру.

твою дивизию, как несладко сгорать в землянках и блиндажах, когда атак родовые схватки торопят тужиться, чтоб дожать, когда отхаркивается ветер прогорклым дымом, сухой слюной, и мертвецами былых столетий опять бахвалится перегной! невесть кому посылать угрозы, чертей контуженных звать на бис, всерьёз лелеять последний козырь – последний выстрел длиной в жизнь, смеяться танкам в стволы и траки – достанет сил ли? красны бинты. но с душ посыпались ржа и накипь в ладони выжженной пустоты. и ангел в каске смеётся рядом...

но словно пеплом швырнёт в лицо, когда представит страна к наградам твою дивизию – семь бойцов.

Всегда готов

Муки и маки – солнечная лузга.
Дикие пули пчёлами у виска.
Тихая роща, липы над головой...
Время прощаться, маленький звеньевоу.

Выдохни бурю, горном пропев навзрыд!
Плакать не стыдно. Плакаться – вот где стыд.
К светлому завтра выведут на постой
Галстук на шее да языки костров.

Отсалютует молнией небосвод.
Кроме бессмертья нет никаких свобод,
Кроме «так надо» нет никаких причин.
Целься чуть ниже. Я ведь тебя учил.

Героев Днепра

Мы никогда не узнаем с тобою друг друга до общих детей.
Мы ведь, увы, просто два пассажира в соседних вагонах метро,
И не воюем за место под солнцем – обоим привычнее тень.
Но если надо, я стану солдатом, а ты – медицинской сестрой.

В чёрном отсутствии ярких пейзажей за вечно холодным стеклом
Чудятся призраки, тайны, химеры – ни слова про страх темноты!
Не растеряв по безликим туннелям свой несравненный апломб,
Я не боюсь ни уколов, ни крови, ты в сумочке носишь бинты.

Там, где судьба предлагает прямую, мы смело заложим зигзаг.
Те, кто не может не жить по шаблону, смотрят на это зверьём.
А мы прислонимся к их «не прислоняться», синхронно закроем глаза.
Но если надо, я встану под пули, а ты поползёшь под огнём.

Мы не проедем свои остановки и выйдем в хохочущий дождь:
Я, как обычно, на Красногвардейской, а ты – на Героев Днепра.
Только когда никакие таблетки опять не сумеют помочь,
Я вдруг проснусь в фиолетовый сумрак со сдавленным стоном «Сестра!»

До ёжиков шуршащих

До талого, до высохших болот, до первых белок в дуплах сизых сосен.
До «кто кого из нас переживёт», до взлёта в просинь и удара оземь.
До рыжей хвои, ссыпавшейся на изъеденную потом гимнастёрку.
До лета, до какого-то рожна, до памяти неряшливо затёртой.
До крови из прокушенной губы, до правды с оправданиями после.
До птичьих гнёзд, до топота копыт, до мальчиков, одетых не по росту.
До заповедных рощиц и чащоб, до просек, до берлог и до опушек.
До шанса, что упущен. А ещё – до воя, наполняющего душу
Серебряным сиянием луны. До облаков, нанизанных на ветви.
До «будто бы и не было войны», до некрасивых лиц красивой смерти.
До белых, мухоморов и маслят. До стука топоров лесоповала.
До быстрой самокрутки не в затыг, до двух «ку-ку», которых слишком мало.
До неба, уходящего в пике, до ласковой сестры из медсанбата.
До ёжиков, шуршащих налегке к пленительному яблоку заката.

1941-1945 гг.

Стремительный сорок первый
Осколком засел в груди.
Ребятам из Аненербе
В пасть головы не клади –
Их водит по миру Один,
Мечтающий о боях.

А нашим хватает родин,
Чтоб было, за что стоять.
А нашим хватает неба,
Чтоб было, куда лететь.
Седого Кавказа гребень,
Карельского солнца медь –
То, ради чего не жалко
Взрываться на полпути
Под свастиконосным танком.

На карте рисуй пунктир –
Легенду шифруй от немцев
Под номером сорок два,
Где в каждого ополченца
Прицельно неслись слова
«Ни шагу назад». Ни пяди,
Ни горсти. И вот уже
Всё медленней поступь гадин,
Всё жалобней взгляды жерл,
Ведь дважды в одну не ляжет,
А, значит, есть шансы, брат.
И явно не без тельняшек
С тех пор у фашистов ад,
И вмёрзла в металл ленд-лиза
Двинская губа страны.

Такой полновесный вызов
Достоин любой цены.
И огненный сорок третий
С лихвой заплатил за всех:
И по Сталинградской смете,
Взрыхлив чёрно-красный снег,
И – оптом – за всю блокаду
Воронками в Невском льду.
И лучше всех в мире радуг
Кровавейшая из дуг,
Которую вбили звонко
В плюющие криком рты
За каждую похоронку,

За Киев и за Хатынь,

Чтоб в сорок четвёртом вермахт
Катился домой – в Берлин,
Бросая тела на бермах
Не нашей уже земли.
Чтоб вздрагивали трофейно,
И плакали горячо
На Одере и на Рейне
Пришедшие к нам с мечом.
Чтоб прячьась, как по могилам,
По бункерам средь чащоб
Они находили силы
Пустить себе пулю в лоб.
Чтоб праздновали успехи
Аулы и хутора.

Гремело сквозь все помехи
На всех языках «ура!»,
Ведь каждый отдельно взятый
Татарин, грузин, бурят
Внёс в радостный сорок пятый
Свой неоценимый вклад
В тылу, на фронтах, в победу
Навек свой заветный лист
Вписав. Как мои два деда –
Моряк и артиллерист.

Кавалер одинокой медали

*«И была при нем одна нога, одинокая медаль «За отвагу» на широкой груди,
тощий сидор с нехитрыми пожитками да еще великолепный аккордеон,
который, по его словам (и я ему верю), он взял из подбитого им же
немецкого танка...»*

(А. и Б. Стругацкие – «Дьявол среди людей»)

В штабе за лесом приспущены флаги,
Громко закрыты глаза.
Память-детдом подгоревшею кашей
Мучает нам животы.
Мир уместился на горлышке фляги.

Где-то бушует гроза.
Где-то вручают безвестно пропавшим
Камни последних святынь.

Зря, предвкушая, злорадствует нечисть,
Зря обнажает клыки –
Выведут случай, авось да кривая,
Выжмут до капли раба.
В небе, упавшем сегодня на плечи,
Каждый испачкал штыки,
И барабанщик опять затевает
Свой разбудить барабан.

Вырваны корни, обуглены клёны,
Листья уносит вода.
В горло вцепившийся северный ветер
Крепче горчайших микстур.
В жёлтые двери стучат почтальоны.
Слово гудит в проводах.
Но комбинация цифр на билете
Снова подарит мечту.

Встань и дотронься до звёзд на погонах
Трижды седых облаков,
Вечность жестока – калёным железом
Выжжет тавро на лице.
Нежность увозят в холодных вагонах
Женщины тыловиков.
Смерть усмехнётся на звук Марсельезы
И передвинет прицел.

Наталья Леонович, г. Архангельск

Живите все!

«Живите все!» - сказала, принимая
котят - богатый Марьюшкин приплод.
«Все вырастут... все семеро.... играют...
весельем обживают огород.
То спрячутся в развалинах сарая,
то вдоль по жёрдочке, как в цирке напоказ...
Мышей в округе лихо распугали:

не беспокоить приказали - враз.
А в час обеда дружною ватагой
Пушисто тычутся в молочные харчи...
«Поели и живите работяги,
А мне ещё носить дрова к печи».
Хозяйку старую соседушки бранили:
«На кой те, Катерина, эка рать?
В твои-то годы разве же по силе
ораву этаку на содержанье брать?»
Старушка молча шурилась - глядела,
как сбившись плотно в полосатый круг,
родня кошачья друг о дружку грелась
в мурчанье сонном проводя досуг.

Вот так в войну бывало на полати
сестрёнки прижимались - мал мала:
тепло струилось сквозь прорехи платья,
картофелина сладкая плыла
по ряду ртов голодного вечера:

одна на всех - тихонечко кусай...
«Маманя, страшно, слышь, колотят в двери,
Шептун стучит, плешивый полицай...»
Зашёл Шептун. Осипшим говорком
приказ немецкий зачитал с листочка.
Марии, нашей старшей, матерком
велел: ... шагать в комендатуру срочно:
... в Германию! - в работницах нужда!..
И страх сдавил бессильем тишину,
и слёзы градом хлынули, когда
В марьяшин плат Шептун винтовкой ткнул.
Прощанье горькое, мы знали: на века...
«Живите все!» - последний всем поклон...
Спасались бегом мы: леса, река...
и лагерь партизанский... и заслон
еловых лап - колючая пора:
и о расстрелах - слухи «не для нас»,
и помощь поваренком у костра,
и гильз пустых «секреты про запас»...
К концу войны домой - к родной печи,
а дом сгорел в пожарище боёв,
а мысли к прошлому, как стайка воробьев:
«Живите все!» - у смерти сто причин...

Рябинка наша - память о сестре,

Насыплет ягод - что раскинет плат.
И кошка, как хозяйка, во дворе
Обмуркивает радостью котят.

**Татьяна Москвина, п. Рикасиха Приморского р-на
Архангельской области**

Оставайтесь с нами

Почему мы в XXI веке
Вспоминаем прошлую войну?
Даже время – лучший в мире лекарь –
Не сумеет память обмануть.
Выстрелы давно отгрохотали,
Новые настали времена...
Сколько ты оставила печали,
Страшная Великая война!

Ветераны, вас осталось мало,
Каждый день смыкаются ряды.
Но медали жаркого металла
Защищают от большой беды.
Мир подарен вами юной смене,
Мы хотим в стране свободной жить.
Знайте, что и наше поколение
Родину сумеет защитить.

Вдовьими платками,
Горькими стихами,
Пламенем гвоздики
У гранитных плит...
С мудрыми глазами –
Оставайтесь с нами,
Ведь на этом целый мир стоит.

Дожить до Победы

До Победы дожить – это цель и мечта
Офицера, матроса, солдата,
Чтобы петь и любить. А пока – пустота,
Счет потерянный горьким утратам.

Все для фронта! А что остается себе
В деревнях, надрывающих спину?

До Победы дожить, доверяя судьбе
Возвратить домой мужа и брата, и сына.

До Победы дожить! – это вопль городов,
Заглушающий грохот металла.
Пепел выжженных трав, отзвук прерванных слов
У могилы, что братскою стала.

День Победы настал, только многих солдат
Подкосили и раны, и беды.
Каждый год в этот день вам с небес говорят:
«Доживите опять до Победы!»

Детям войны

Невозможно представить
жизнь детей на войне.
Это может присниться
лишь в кошмарнейшем сне:
Рвутся бомбы, снаряды,
страшно в небо смотреть,
Сеют вновь мессершмитты
разрушение и смерть.

Пайка чёрного хлеба,
лебеда или жмых –
Не по силам работа
за двоих, за троих...
Заменяли вы взрослых
в поле и у станка,
Что на фронте сражались
от звонка до звонка.

Прикрывая Отчизну,
вы трудились в тылу.
И не хватит всей жизни,
чтоб измерить войну.
Нет, не детские игры,
не качели вразлёт,
А молитва о хлебе,
что с Победой придёт.

Повзрослевшие дети
той далёкой войны,
Подвиг ваш не оценен,

но мы помнить должны:
Наше мирное небо
обнимает нас всех,
И как символ Победы –
детский радостный смех.

Пусть позабудутся беды
всех, кто дожил Победы,
Будут спокойными мирными сны,
И не вернуться, нет, не вернуться
чёрные дела войны!

На улице Шабалина

В Архангельске сильнее сердце бьётся,
Душа любовью, гордостью полна,
Когда я выхожу с восходом солнца
На улицу мою – Шабалина!
Он имя своё громкое прославил
В боях морских за родину-страну,
И всю войну его торпедный катер
Проклятых фрицев отправлял ко дну.

На море трудно в силе состязаться,
Но сила духа морякам под стать.
Идёт торпедный катер «ТКА-12»
Маневренно – всегда атаковать!
И мощную фашистскую подлодку,
И их сторожевые корабли
В Баренцевом море лихо топят
Легендарный Александр Шабалин.

Звезду Героя капитану дали,
В команде были все за одного.
Его морским драконом называли,
Враги боялись дерзости его.
Пусть факты и легенды ходят рядом,
Нам не забыть героев имена.
Вы заслужили высшие награды –
Медали, золотые ордена.

Тебе, поисковик

Ты мог сапёрною лопатой

Вскопать бы даже огород.
Когда-то рыли ей солдаты
Окопы на войне, но вот

Под мирным небом в поле голом,
От горьких дум серьезней став,
Из дёрна достаёшь осколок,
Копашь землю, хоть устал...

Вновь ощущаешь по звучанью
То кость, то каску, то свинец, —
Чтобы забвенью и молчанью
Скорее положить конец,

Чтоб в небо залпом троекратным
Тем, кто погиб от пуль и ран,
С войны не вышедшим солдатам
Отдать положенную дань —

Оставшимся десятилетия
Поверх сырой земли лежать
И погребенья после смерти
Безмолвно, терпеливо ждать

Не только здесь, под Ленинградом, —
Бои прошли по всей стране.
Вновь рвутся прошлого снаряды —
И вовсе не в кошмарном сне.

Поисковик, на самом деле
Ты тоже в Книгу занесён.
Даст Бог — ты многое успеешь.
Бог даст, и ты будешь спасён.

В той книге Памяти суровой
Без званий будут имена.
Над лесом солнце всходит снова.
А жизнь по-прежнему одна.

Александр Клобуков, г. Архангельск

Морякам, погибшим
в северных конвоях 1942-1945 гг.

«Дервиш»

Под двойным секретным грифом
Той военной порой
Был реальностью, не мифом,
«Дервиш» - северный конвой.

Отстучав на семафоре
Позывные «свой-чужой»,
Тайно ночью вышел в море
«Дервиш» - северный конвой.

За кормою мили тают,
Впереди смертельный бой,
Всюду смерть подстерегает
«Дервиш» - северный конвой.

Полный ход дает со «стопа»,
Взрыв торпед, sireны вой,
В перекрестье перископа
«Дервиш» - северный конвой...

Пароход перевернулся
Вверх килем, за ним другой
Ярким пламенем взметнулся,
Третий – траурной свечой.

Вперехлест зенитки лают,
Дым, огонь и кровь рекой.
Это кровью истекает
«Дервиш» - северный конвой.

Тонут люди, тонут грузы,
Обреченные судьбой,
Гибнет в море флот союзный –
«Дервиш» - северный конвой.

Морякам могила - море,
Слава в памяти людской,
Матерей скорбящих горе
«Дервиш» - северный конвой.

На мгновение стало тихо:
Смолк оркестр и замер строй.
Стал легендой, а не мифом
«Дервиш» - северный конвой.

Штрафбат

Была война, вспомнит кто-то,
Вновь сформированный штрафбат,
Стрелковый полк простой пехоты,
Опорный пункт и Сталинград.

«Вперед пойдет штрафная рота,
За ней поротно весь штрафбат...
А вслед за ним пойдет пехота», -
Замявшись вдруг, сказал комбат.

Косила смерть из пулемета,
Навстречу смерти шел штрафбат.
За ним цепями шла пехота.
«Вперед, братва!» - хрипел комбат.

В атаке той от артонала
Погиб, не дрогнув, весь штрафбат.
Опорный пункт взяла пехота
И дважды раненный комбат.

От горя мне кричать охота,
Я вижу лица тех солдат -
На смерть идущая пехота
И тот недрогнувший штрафбат.

Саламатова Ольга, г. Вельск

* * *

Не знали мы войны пожарищ
И беспощадный артобстрел,
И то, как раненый товарищ
Рассвет увидеть не успел.
Мы рождены в другие годы,
В другое время, без войны,
И дышим воздухом свободы
Родной и мирной стороны.
Мы вновь приходим к обелискам,
В молчании святом застыв,
И головы склоняем низко,
Погибших помним, как живых.
Война! Ужаснее нет слова,
А мир – хрустальное стекло,
Так вместе будем же готовы
Сберечь и сохранить его!

Нет войне!

... Не для того сыны рождаются,
Чтобы погибнуть на войне,
Когда им только восемнадцать,
Еще не взрослые вполне.
Не для того их ждут девчонки,
Чтоб в одиночестве прожить
И, получивши похоронку,
В немом молчании застыть.
Не для того рожь колосится,
Сгибая стебель до земли,
Чтоб танки черной вереницей
По полю хлебному ползли.
Не для того на небе тучи,
Чтоб самолетов слышать гул,
А по морям и горным кручам
Военный страшный ветер дул...
Сыны рождаются, чтобы строить

Дома, заводы, города,
Планеты новые освоить
И от невест услышать: «Да».
Создать семью, чтоб были дети
И жили, радостью полны,
И никогда на этом свете
Не знали ужасов войны!

Ирина Неумоина, г. Архангельск

Мореход

Рассказ-быль

Когда началась война, Бориске шел тринадцатый год. Жил с матерью вдвоем. Отца в сентябре 37-го года арестовали как врага народа. Очень скучал по нему Борис. Отец был хотя и сельским жителем, но с детства появилась у него тяга к морю. Приехал в город с Шенкурского района. Сначала был рабочим и матросом на речных судах. Затем перешел на морские суда и одновременно поступил в морское училище. Работал на Дальнем Востоке, потом семья вернулась в Архангельск. Впоследствии они узнали, что его обвинили в пособничестве японским милитаристам, но он не признавался, потому что не в чем было сознаваться. В 38-м его расстреляли.

Первый год войны был самым трудным, самым голодным. Мать целыми днями пропадала на работе, но еды, как и во многих семьях, не хватало. У подростка началась дистрофия. Неизвестно, выжил бы мальчик, если бы не его величество-случай.

Однажды Бориска прочел в газете объявление о наборе в школу юнг Северного морского пароходства для торгового флота. Сказать по правде, не романтика и не пример отца-моряка привлекли мальчишку пойти в школу. Трехразовое питание! Вот что стало для Бориса отправной точкой в дальнейшей судьбе. Это уже после, когда он увидел ребят в форме, которые призывались в первом наборе 42-го года, они с дружкой Витькой Зверевым были очень воодушевлены, что тоже будут иметь такую же.

Очень много ребят пришло тогда. На вопросы, которые задавали при отборе, Борис отвечал бойко. Особенно на вопросы об учебе. Он был первым учеником в школе - круглый отличник! Когда спросили о родителях, немного смутился, но потом честно и с гордостью ответил, что отец у него был штурманом. Определили его с другом в машинное отделение. На практике

изучали машину, котлы, их ремонт и эксплуатацию. Там же Борис физически окреп. Хорошее трехразовое питание, режим и ежедневная зарядка с семи утра сделали свое дело.

Отобранных в школу юнг пацанов перевезли на маленьких судах «Ледокол № 6», «Норд» и «Пурга» на Экономю. У Бориса появилась цель - раз приняли, то нужно учиться. И хотя они были гражданскими моряками, но чувствовали себя военными, потому что была жесткая дисциплина, форма, воспитатели - офицеры после ранений. Когда уже война закончилась, в конце восьмидесятых из газетных публикаций он узнал, что акватория Белого, Баренцева морей и Архангельская область считались прифронтовой полосой.

Отучившись полгода, более двухсот подростков поступили на палубы пароходов и вышли в море. Борису чуть больше тринадцати, а он уже кочегар второго класса! В первый рейс отправилось восемьдесят человек на пароходе «Мудьюг» и столько же на «Карелии». Суда были приспособлены для доставки грузов и пассажиров для плавания в районе Белого моря. Судно, на которое определили Бориса, обслуживало Терский берег Кольского полуострова. А также заходило на Соловки, где была расположена военная база. «Карелия» обслуживала южную часть Онежского полуострова с выходом на полуостров Канин.

Дорого бы заплатил тогда Бориска, чтобы узнать, что же перевозили они по морю. Не раз с другом Витькой строили догадки, спорили, фантазировали. Что говорить, мальчишки, да и только! Так и не узнали юные мореходы военную тайну, как не пытались. Не разрешалось им появляться на палубе, пока шла погрузка. Но по документам, которые Борис Александрович уже на пенсии нашел в архиве, узнал, что принимали они на судно вооружение: снаряды, порох и еще что-то в больших ящиках. Погрузка эта продолжалась часа три. Потом грузили обычные товары: продукты питания, вещи, сено, даже лошадей возили. Трудно, конечно, в таком возрасте быть кочегаром. Требуется выносливость, физическая сила, закалка. Но именно тогда Борис определился, что будет машинистом, механиком.

В годы войны радио постоянно информировало о делах на фронте, и все с нетерпением ожидали окончания войны. Молодые моряки также надеялись на победу. И вот, наконец, радостное событие! Борис узнал о победе восьмого мая вечером. Сразу всех отпустили по домам. Школа юнг находилась тогда на двадцать шестом лесозаводе. Дороги были ужасные. Соломбала и Маймакса были затоплены водой. Даже шпалы и трамвайные пути сдвинуты с места. Шел Борис со своим неизменным другом домой пешком, и столько людей повстречали они за время пути! Все смешалось в тот день: смех, слез, улыбки, объятия, песни. Попали они в город только

десятого утром. Много народа было, но такого ликования уже, как девятого мая не заметили.

Школа юнг была расформирована в 1946 году. Моряков отправили в Ригу, определив на суда. Борис вошел в состав команды и был кочегаром первого класса на пароходе «Илга». Затем более четырех лет служил в рядах Советской армии. После демобилизации вернулся в родной город, где стал работать в пароходстве кочегаром, машинистом, мотористом. По окончании мореходки стал Борис Александрович Кротов механиком, как и мечтал в юности.

В мирное время начался поиск юнг Северного флота. Наш герой был одним из активных участников этого движения. Нашли около ста в Архангельске и стали получать письма из других городов. Устраивали встречи, а со временем организовали «Братство северных конвоев», куда вошли американские, английские, канадские и другие моряки. Постановлением правительства участникам конвоев были вручены правительственные награды: медали «За оборону Советского Заполярья», Ушакова, а также юбилейные медали. «Интересное было время...» - с неподдельным оптимизмом и огоньком в глазах вспоминает Борис Александрович военное прошлое.

ЮНГА

*Моему дяде, Р.А. Кротову,
и всем юнгам Северного флота посвящаю...*

Тринадцать лет мальчишке было.
Ребенок, что и говорить!..
Пришла война. Отца убили.
А парню как-то дальше жить...

В тот сорок первый – самый трудный,
Голодный, страшный, лютый год
Прочел в газете о наборе
Он в школу юнг, в торговый флот.

Но не романтика, а горе
И голод – был его порыв.
Кто знает, если бы не море –
Остался б тот мальчишка жив?

Он изучал котлы, машину,
Приборы и ремонт судов.
Военной жизни дисциплину,
Святое братство моряков.

В сорок втором парнишка вырос.
Окреп физически в тот год.
И кочегаром был зачислен
На пароход в торговый флот.

Он помнит рейд. Часы погрузки.
Возили сено, лошадей.
В мешках одежду и продукты,
И редко – раненых людей.

Как судно «Мудьюг» в Белом море
Отважно шло на Соловки.
И юнги строили догадки:
«А что же в ящиках везли?..»

Рискуя жизнью, мореходы
Держали к базе верный курс.
Снаряды, порох и патроны,
А в ящиках – секретный груз.

Не по годам ложилось бремя
На плечи юных пацанов.
Морским узлом вязало время
Детей, Победу и отцов!

Как яркие горят зарницы,
Медали их и ордена.
Вы все для нас – всегда живые,
Кого отметила война.

Прошли года. Уже седые
Мальчишки те - что говорить?..
Но подвиг северных конвоев,
Их братство – вечно будет жить!

Жанна Беликова, г. Архангельск

Вечный огонь

И днём, и ночью, в дождь, в жару, в пургу
Горит огонь, как символ героизма
Солдат, не покорившихся врагу,
Не пожалевших жизнью за Отчизну!
Горит огонь, и в отблесках огня
Свидетели войны, их так немного,
Стоят, седые головы склоня,
И вспоминают той войны дороги.
Кромешный ад, потерь не сосчитать.
И стар, и млад сражались, как герои,
За каждую земли родимой пядь,
За дом родной, за небо голубое.
Но даже через много-много лет.
Гори, огонь, как символ поклоненья,
И зажигай в сердцах священный свет
Идущим друг за другом поколеньям.
Гори, огонь, гори, не угасай
И согревай собой людскую память,
Напоминай, живым напоминай,
Чтобы героев продолжали славить.
Пусть время мчится и летят года,
Гори, огонь, с рассвета до заката,
Чтобы всегда с поклоном шли сюда,
К могиле неизвестного солдата!

Посвящается северным конвоям

Война, повсюду слёзы, горе,
Война,дохнувшая бедой,
Война на суше и на море,
И в небесах, и под водой.
Кто назовёт войне той цену,
Кто оправдает этот ад?
А в памяти морская пена
И детских глаз голодный взгляд,

Осиротевших глаз и ждущих,
На самой краешке земли.
А где-то там, среди волн ревущих,
К ним прорывались корабли,
Везли детишкам жир тюлений
Сквозь шквал фашистского огня,
Везли надежду на спасенье
Во тьме ночи, при свете дня...
Сменилось много поколений,
Прошло немало зим и лет,
И на полях былых сражений
Войны уже не виден след.
И подвиг северных конвоев
Так важно ныне оценить.
И помнить имена героев,
Не прерывая жизни нить.

Посвящается детям, опалённым войной

Страна была одна, на всех одна,
И боль была на всех одна, и слёзы.
Ворвалась в дом проклятая война,
Украла детство. Боль в душе занозой.
Да, у войны не женское лицо,
И уж совсем не детское, тем более.
Ведь многие остались без отцов,
Без матерей, и нет страшнее боли.
Косой косила смерть, косила всех,
Кто выдержать не мог мучений ада.
И не до детских было им утех,
Сухарик бы, и большего не надо.
Да разве можно это позабыть,-
Измученное, раненое детство?
А память, как невидимая нить.
Подкралась старость, никуда не деться.
Попахивает в воздухе весной,
Дрожит, волнуясь, мой негромкий голос.
Вам, дети, опалённые войной,
Я низко-низко поклоняюсь в пояс.

Вы не стыдитесь вашей седины
И расскажите всем об этих муках,
Ведь вы – последние свидетели войны,
И вас должны услышать ваши внуки.

Прифронтовой Архангельск

О, сколько горя принесла война,
Пылали города, пылали сёла.
В огне войны пылала вся страна,
При виде пепелищ сжималось горло.
Враг был жесток, растягивая фронт,
Он захватить пытался юг и север.
Но стойким оказался наш народ,
Свободу защищающий и веру.
Прифронтовой Архангельск встал стеной.
Сражались все, от мала до велика,
За каждый уголок земли родной,
За каждый дом, за каждую калитку.
Он стал фашистам, словно в горле кость.
Чем больше подвергался город взрывам,
Тем яростней была народа злость,
Голодного, латающего дыры.
Болели дети, но Архангельск жил,
Тюлений жир для многих стал спасеньем,
И город понимал, как важен тыл
Для тех, кто погибал в огне сражений.
Архангельск был сплочён в один кулак,
Отцов сменили дети на заводах.
Так и не понял озверевший враг,
Откуда эта сила у народа.
Он выдержал, он выстоял в огне.
И старики, и женщины, и дети,
Как воины, служба своей стране,
Отдали ей всё лучшее на свете...
Мелькают кадры тех военных лет.
Да, городу присвоена по праву
За мужество, во имя всех побед

Заслуженная воинская слава!!!

* * *

Поклон вам низкий, ветераны!
Во взгляде грустно-одиноким
Печать далекой той войны.
Душевной раны шрам глубокий
Не виден в отблесках весны.
Седая старость наступила,
Все меньше спится по ночам,
А память ворошит, что было,
И боль не объяснить врачам.
Там, на полях былых сражений,
Могилы братские сейчас.
Сменилось много поколений,
Но память помнит каждый час:
Багрово-красные закаты
И громогласное «Вперед!»
Не все домой пришли солдаты,
А кто-то до сих пор их ждет.
Поклон вам низкий, ветераны,
За подвиг ваш и за весну,
За День Победы долгожданный,
За утреннюю тишину,
Что для потомков сохранили
Надежды и свободы свет.
Спасибо вам за все, что было.
Дай Бог вам долгих, долгих лет!

Памяти павших

У Великой Победы своё лицо,
Это эхо войны далёкой,
Это лик наших дедов и наших отцов,
Это вдовьи глаза с поволокой.
За сегодняшний день дорогою ценой
Заплатили они без торга,
Чтобы мы вспоминали их каждой весной,
Чтобы чтили их долго-долго.

С монументов застывших они глядят
Вопросительно и тревожно,
Словно нас защитить от беды хотят
В нашей жизни сегодняшней сложной.
Нам за них доживать, нам за всё отвечать,
Нам нести эстафету дальше,
Нам надеяться, верить, любить и мечтать
Без притворства, подвоха и фальши,
Чтобы жертвы невинные были не зря,
Чтобы жизнь на земле продолжалась,
Чтобы утром на небе вставала заря,
Ясным светом в душе отражаясь.
Если в нас наша совесть ещё жива,
Если счастья себе желаем,
Значит, правы отцы, значит, память права,
Нас к истокам своим возвращая.

Виктор Ергин, г. Архангельск

Если я забуду о войне

Если я забуду о войне,
Небо вдруг не поменяет цвет,
Будут также звезды в вышине
Нам дарить свой бесконечный свет.

Если я забуду о войне,
Сердце все ж не прекратит стучать,
Будут также в парке при луне
Те, кто любят, встречи назначать.

Если я забуду о войне,
Травы будут также шелестеть,
Также новый день придет ко мне,
Закружит земная круговерть...

Если я забуду о войне,
Надо мною встанет тишина,

И с прикладом на чужой спине
Постучится в дверь мою Война.

Цена Победы

Ты помни: прадеды и деды
Ковали вечности броню,
Ты не забудь - цена Победы
Равна непрожитому дню.

Там, где холодные рассветы,
Там, где недремлющий закат,
Ты не забудь: цена Победы
Важнее жизни во сто крат.

Пусть боль войны ты не изведал,
Пусть горе ты не испытал,
Ты не забудь - цена Победы
Не продаётся за металл!

Звенят холодные монеты,
Застыла в памяти броня:
Цена немеркнущей Победы,
Цена непрожитого дня.

Роман Жданов, г. Архангельск

Звёзды

Зажигаются звёзды в окне,
Много новых огней над планетой,
Это те, кого здесь больше нет,
Кто ушёл по касательной к свету
И теперь не вернётся сюда,
Даже если мы слёзно попросим,
Потому что случилась беда,
И теперь наша жизнь под вопросом.

Это те, кого мы берегли
И кого потерять так боялись,

Кто теперь, не касаясь земли
Светит нам, лишь бы мы не сдавались!
Это те, с кем когда-то мы шли
И уверенно строили планы,
Это те, кого мы не спасли,
Потому что забыли о главном...

Это те, с кем когда-то мы шли
И уверенно строили планы,
Это те, кого мы не спасли,
Потому что забыли о главном!

Бог в помощь

Бог в помощь, когда ты идёшь на войну
И пропадаешь!
Бог в помощь, когда ты глядишь на луну
И засыпаешь!
Бог в помощь, когда ты остался один,
И нечем согреться!
Бог в помощь, чтоб кроме надежды в груди
Пули не было в сердце!

Бог в помощь, когда окружают враги,
И выхода нету!
Бог в помощь, когда тебе кажется, что
Твоя песня допета!
Бог в помощь, когда получается всё,
Но наполовину!
Бог в помощь! И друга, который тебе
Не выстрелит в спину!

Ирина Нонфоджи, г. Архангельск

* * *

Старенькое фото на стене
Мне напоминает о войне.
Дядя мой, красивый, молодой,
Думал ли, что встретится с бедой?!
Не было ему и двадцати,
Выпал жребий на войну уйти...
Был он Бог войны - артиллерист,
И стрелял, как пушечный солист.
В пекле под Смоленском шли бои,

Клали парни головы свои,
Где-то возле Гжатска бой гремел,
Николай сберечься не сумел...
Получил ранение в плечо,
В гимнастерке липко, горячо!
Он пошел до медсанбата сам,
Вырывалось сердце к небесам,
Адской болью отзывался стон,
Но дополз до госпиталя он.
Слава Богу, он еще живет,
А плечо, конечно, заживет,
Мчится треугольник фронтовой
Маленькою восточкой домой...
Но Беда-злодейка не ушла,
Место уязвимое нашла,
Простудился парень на ветру,
- Неужели все-таки умру?!
Пневмония, сепсис, сущий ад,
Так на той войне погиб солдат,
Неженатый даже, до войны
Все учился, тут не до жены...
Похоронку получил отец,
Все не мог поверить, что конец,
Мать в слезах и в горе все ждала,
Несколько тех писем берегла.
Я девчонкой их смогла прочесть,
Все там, в этих письмах есть.
Нежная сыновняя любовь
К маме, папе, сестрам... "Кровь за кровь!",
"Смерть за смерть!", "Ударим по врагу!",
"Победим!", "Я больше не могу!"
Затерялись письма в суете,
Умерли родные, в годы те
Часто вспоминали о войне,
Нынче - только фото на стене...

Татьяна Рудная, г. Архангельск

Мой дед Иван

Мой дед Иван на фронте воевал
От финской до победы в сорок пятом.
Но избегал речей он и похвал
В преддверии победной громкой даты.

Вернувшись с фронта, дед построил дом,
И бегали в нем дети и внучата...
Наверное, мечтал об этом он
На фронте и в победном сорок пятом.

Он брал от жизни очень, очень мало.
Семья и труд – начало всех начал.
Добрей его я никого не знала,
А как же он на фронте воевал?..

Борис Подшивалов, г. Архангельск

* * *

Расчеты верно
Показали:
Войне - не быть,
Не быть войне.
Две
стороны
одной
медали
не просто так
достались
мне!

* * *

Мы уходили на войну,
Чтоб защитить
Свою страну.
Вернемся ли,
Едва мы знали.
И мы Россию
Отстояли!

* * *

И ухожу я на войну,
Ведь я люблю свою страну.
И за нее я умираю,
Иного счастья не желаю!

Светлана Митина, г. Архангельск

Памятник тюленю

Северному тюленю, спасшему в годы Великой Отечественной войны
от голодной смерти сотни жителей Архангельска, посвящается

Погожий день. Двина – река
Сверкает синевой весенней...
Плывут по небу облака,
Как серебристые тюлени.

А память чайкою кружит
И возвращает к дням военным,
Когда вливал в Архангельск жизнь
Благословенный дар тюленей...

И отступила смерти тень,
И мать вздохнула облегчённо,
И спас от гибели тюлень
Детей, войною опалённых.

Мы с благодарною душой,
В пример грядущим поколениям,
Над нашей Северной Двиной
Воздвигли памятник тюленю.

Пусть будет мирным новый день,
Пускай смеются дети...
Доплыл наш северный тюлень
До берегов Бессмертья!

Ожидание

Когда цветет оживший дол
Весны невиданным сияньем,
Вновь поднимается на холм
Мать в беспросветном ожиданьи.

Сгоняет в стадо облака
И шелестит травую ветер,
И кажется, издалека,
Как журавли, летят к ней дети...

Но, видно, выдохлись они,
В ущелье спрятались от грома.
О, как же долог он, сыны,
Путь из войны к родному дому!

И ожиданье, как туман,
Над временами проплывает,
А мать все ходит на курган,-
Погибших сыновей встречает...

Солдатский медальон

Как посланье далёких военных времён
На забытых карельских болотах
Следопытам попал на глаза медальон,
С русой прядкой и крошечным фото.
Уголок поружел: то ли ржа, то ли кровь...
А на снимке - девчонка в берете:
Как озёра, глаза, удивленная бровь,
И подписано: "Щукина Света".
А потом отыскались: последний патрон,
Портсигар, оловянная ложка,-
И как будто ожил Иваницкий Антон -
Незнакомый российский Антошка.
Следопытам хвала! И великую весть
Сообщит областная газета.
Над заметкой всплакнет, коль придется прочесть,
Поседевшая Щукина Света.
До сих пор она письма Антона хранит
За окладом семейной иконы.-
Знать, сердца повязала, как вечная нить,
Заржавевшая цепь медальона.
Хлябь болот под ногами - как дЕвичий всхлип,

Стон распахнутой в прошлое дверцы...
И никто не забыт,
    И никто не погиб,
Коль остался он
    в любящем
    сердце!

Бьётся Память в сердце, как прибой...

Цветут вишнёвые сады,
И ветер носится весенний...
Давно затянуты следы
Кровавых памятных сражений.
Над чьей-то буйной головой
Давно все выплаканы слёзы,
И над могилой боевой
Грустят о вечности берёзы.
Не все известны имена
Бойцов, застывших в обелисках,
Но мы у Вечного огня
Склоняемся пред ними низко,
И через дымку лет глядим
В глаза погибшим, замирая,
И в этот час сильнее к груди
Своих детей мы прижимаем...
Гвоздики алые в руках,
Салюта залп над головою...
А в сером небе облака -
Как тени не пришедших с боя.
И пахнет солнцем и весной
Победы праздничная дата,
И ветераны встали в строй,-
Отчизну спасшие солдаты...

Бьётся Память в сердце, как прибой,
Будет Память вечно жить со мной,
И звучит среди суровых дней
Вещий голос Памяти моей!

Солнечный вальс

Снова дрогнули скрытые струны,
И с небес синева пролилась,
Снова я в том далеком июне,
Где кружил меня солнечный вальс...

В своем шелковом свадебном платье,
Ты, как фея,- легка и нежна,
И тебя я сжимаю в объятьях,
И не знаю, что рядом - война!
Ты красивей всех в мире невеста,
Бог подарит нам ночку - одну,
А назавтра придет мне повестка,
Я со свадьбы уйду на войну...
Буду в сказочных снах вспоминать я
Песнь оркестра, сияние глаз,
И тебя в твоём свадебном платье,
И заветный наш солнечный вальс.
...Как я выжил - и сам я не знаю,
Но с войны я вернулся домой.-
Наши правнуки свадьбы справляют,
С ними я молодею душой!
Мы, родная, гордимся с тобою
Сединою без всяких прикрас,
И, обнявшись, танцуем порою
Нашей юности солнечный вальс.

Валентина Ларионова, г. Архангельск

* * *

Он вернулся, вернулся с войны
И страдал от тяжелой вины,
Что живой, живой, живой,
А дружочек в земле сырой.
В честь его и назвал сынка,
А победа была горька.
Нес вину до последних дней,
Пока не сомкнул очей.

Незнакомка

Ты послушай, незнакомка,
Выжил в страшной я войне.
Сберегла меня иконка.
Она в доме на стене.
Еще матушки молитва
Отводила пули прочь.

И жестока была битва,
Да атаки день и ночь.
И нательный легкий крестик
Не снимал никогда.
Он единственный ровесник
И защитник навсегда.
Да солдатакам спасибо,
Что шагали впереди.
Я же, маленького роста,
Шел в шеренге позади.
Незнакомка, незнакомка,
Выжил в страшной я войне.
Незнакомка, незнакомка,
Просто помни обо мне.

Елена Семёнова, г. Архангельск

Мой дед войну нечасто вспоминал

Мой дед войну нечасто вспоминал.
Наверное, хотел забыть тот ужас,
Когда, цепляя мин слепых металл,
Их тральщик шёл, морскую даль утюжа.

«Там было страшно!» - краток был ответ
На мой вопрос о тех годах суровых.
Хоть разговорчив был мой добрый дед,
Но о конвоях - даже вскользь - ни слова.

«Кормили нас отменно, моряков,
На берегу встречали как героев».
Но никогда о том, как нелегко
Пройти дорогой северных конвоев.

Он был матрос. С тельняшкой своей
Не расставался... Зимнею порою
Его мы так и схоронили в ней -
Североморца, моряка, героя.

Владимир Лупачев, г. Архангельск

Это нужно не павшим – это нужно живым!

**(Из серии воспоминаний «Военные дороги земляков, поморов -
тралфлотовцев»)**

Родился я в послевоенном апреле 1946 года. Так что в детском возрасте пришлось видеть и сталкиваться с последствиями той жестокой войны, унесшей почти 28 миллионов жизней советских солдат и гражданского населения страны, видеть скорбь и слёзы родных и близких по не вернувшимся с поля боя. Мы не должны забывать нашу историю и подвиги северян-поморов, вставших на защиту Отечества и вписавших свои имена золотыми буквами в эту историю.

В устье реки Северная Двина, на одном из островов находится деревня с названием Долгое. Там жил Меньшиков Андрей Кириллович с супругой Аграфёной Егоровной. В семье было четверо детей. Самый младший сын, Иероним Андреевич, родился 28 июня 1923 года. В 1940 году он закончил 10 классов, поступил в Архангельский лесотехнический институт. После окончания первого курса, 22 июня 1941 года, не дожидаясь повестки военкомата, сам явился в Приморский райвоенкомат в д. Вознесенье. Был направлен в Ленинград на курсы пулемётчиков. Затем его, как имеющего приличное для того времени образование, отправили в Читу на командирские пехотные курсы «Выстрел». В конце 1941 года, уже в звании младшего лейтенанта, прибыл в 50-ю армию, в район Ясной Поляны под Тулой. Там были остановлены немецкие танки Гудериана. Обе стороны истощили свои военные ресурсы, прекратили активные действия. К тому же морозы установились с ноября 1941 по февраль 1942 года под 30-35 градусов. Боевое охранение в такие морозы бойцам приходилось нести без зимнего обмундирования: в шинелях, ботинках с обмотками или сапогах. Так что заявление немцев, что их победил «генерал Мороз» - это блеф! От морозов страдали обе стороны в равной степени! В результате декабрьского наступления под Москвой, немцы были разбиты и отеснены на запад от Москвы на 150-200 километров. Как отмечалось в приказе о награждении орденом Красной Звезды: «В период наступательных боёв тов. Меньшиков И.А. показал себя смелым, энергичным и знающим своё дело командиром...». Немцы получили подкрепление, фронт встал, они закрепились на этих позициях. Иероним Меньшиков был переброшен из-под Тулы на Западный фронт. В составе 537-го пулемётно-артиллерийского полка, в ходе Московской наступательной операции в декабре, освобождал Истру. Здесь и получил

первое ранение под деревней Петушки. Лечился в госпитале в Омске. После лечения его направляют в эвакуированное туда Ленинградское военно-медицинское училище, где он получил специальность фельдшера и в мае 1942 года вновь оказался в своём 537-м полку, который в начале января уже был передан 20-й армии. Здесь Иероним участвует в жестоких и, наверное, самых кровопролитных за всю войну боях под Ржевом. Воевать приходилось то фельдшером, то пехотным командиром во главе взвода, а то и роты. Ведь младшие командиры гибли довольно часто, приходилось их заменять в ходе боёв. В мае 1943-го получает второе ранение под Сычëвкой, где были особенно жестокие бои. После излечения - снова под Ржев. Бои за Оленино и г. Холм-Жирковский. В октябре - третье тяжëлое ранение. После излечения лейтенант Меньшиков был направлен в 563-й стрелковый полк 153-й стрелковой дивизии 2-го Белорусского фронта. При этом дивизия попеременно входила в состав 50-й, 49-й и 30-й армий 2-го и 3-го Белорусского фронтов. Иероним участвовал в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии, где была уничтожена немецкая группа армий «Центр». В приказе от 24 октября 1944 г. частям 153-й стрелковой Смоленской, Краснознамëнной, ордена Кутузова 11 степени дивизии Белорусского фронта и по действующей армии о награждении И.А. Меньшикова говорится: «При форсировании р. Березина, в последующих боях и на марше лейтенант Меньшиков всё время находился на КП, оказывал помощь раненым бойцам и офицерам спецподразделения ...». Ему пришлось командовать взводом, ротой 563-го стрелкового полка 153-й стрелковой дивизии. Вспоминал впоследствии переправу через реку Неман, где шли жестокие бои, и рота понесла большие потери. Плацдарм на западном берегу реки был занят. Однако немцы, сконцентрировав силы, вновь сбросили их в реку.

Дальше путь войск, где служил И. Меньшиков, проходил через Польшу (Августов, Мазурские озëра) в Восточную Пруссию и там, 17 февраля 1945 года, он получил четвёртое ранение. После лечения участвовал 9 апреля в штурме Кëнигсберга, в составе 3-го Белорусского фронта, наступавшего с северного направления. Там ему было присвоено звание старшего лейтенанта. Летом 1945 года дивизию погрузили в эшелоны и повезли воевать на восток с Японией. Японцы были разбиты за три недели, и поучаствовать там в сражениях не пришлось. Так для него закончилась самая кровопролитная Отечественная война, в ходе которой он был награждён тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени (1 марта 1945 г.), медалями «За взятие Кëнигсберга», «За победу над Германией». Получил четыре ранения: 2 тяжëлых, 2 лёгких. Позже он награждался юбилейными

медалями, а в день 40-летия победы в Великой Отечественной войне награждён орденом Отечественной войны 1 степени.

После демобилизации Иеронима Андреевича, способного, перспективного офицера направляли учиться в Москву на военного атташе. Это означало карьеру дипломата или военного разведчика в иностранном государстве. Но жизнь вносила свои коррективы. Родители написали, что совсем состарились, не справляются с хозяйством, нужна помощь детей и он, любящий сын, вернулся в Архангельск... Умер Иероним Андреевич в 2000 году. Сыновья война-победителя после школы получили высшее образование. Александр закончил АЛТИ, работал, сейчас на пенсии. Младший Леонид получил образование в Москве, работает ведущим специалистом Курчатовского центра, профессор, доктор физико-математических наук. Два его сына, внуки Иеронима Андреевича, получив соответствующее образование, работают там же. Достойный след и память оставлены на Земле воином-победителем!

9 мая 1945 года

Никто сегодня не стреляет,
Поют лишь птицы о весне.
А Левитан вдруг объявляет:
- Победа! Все! Конец войне!

На улицах людское море,
Забыв про ад, пустилось в пляс.
Но как забыть народу горе?
И слезы – капают из глаз.

Солдат, безногий инвалид,
С остервененьем рвет гармошку.
Он жив! А друг его – убит.
Он вспоминает друга, Прошку.

Так было, долго будет впредь,
Мы этот день не забываем.
И будем петь, плясать, пьянеть,
Встав, молча павших поминаем.

Архангельск прифронтовой

Война, как штормом затяжным,
Прошлась по северному краю.
Архангельск был прифронтовым,
Я совершенно точно знаю.

Бомбили часто по ночам,
Прожектора метались в небе,
Пожары были тут и там,
Зенитки лаяли во гневе.

Порт-город был на острие атак
Со свастикой стервятников немецких.
Им дружно отвечали в такт
Огонь судов и батарей советских.

Не легче, чем на фронте, здесь,
Где стар и млад ковал Победу.
Трудом сбивали вражью спесь,
Горбушкой хлеба отобедав.

Рассказывала мама часто нам,
Как шила гимнастерки и бушлаты,
Как иногда молилась по ночам,
Чтобы домой вернулись все солдаты.

Труба в дорогу позвала,
Кого на фронт, кого копать окопы.
Судьба не многим шанс дала
Дойти до центра всей Европы.

В конце войны трубач охрип,
Тогда считать и стали раны,
Кто выжил, ну а кто погиб,
Кто сгинул – вовсе безымянный.

Прошлась, как штормом затяжным,
Война по северному краю,

Архангельск – был прифронтовым,
Я совершенно точно знаю.

Галина Гладкова, г. Вельск Архангельской области

Блокадные муки

Юра Рябинкин, ленинградский
мальчик, в годы войны вел дневник,
в котором рассказал о голоде и о
своих муках совести.

Мама, сестра, нет мне прощения,
Не смог победить я искушения.
Хлебные карточки у меня в кармане,
Хлеба кусок снесу маме и Тане.
В булочной очередь. Я молюсь,
Голод свой победить клянусь.
Но спазм желудок опять скрутил,
И я не заметил, как проглотил
Довесочек маленький, просто
крошку,
Вам осталось совсем немножко.
Снова голод сильнее меня,
Иду я домой, себя кляня.
Возле стены чья-то фигура...
Но выживу я, Рябинкин Юра.

Письмо Гладкова

Оно лежало в сумке почтальона,
Оно стремилось на войну,
Отважно миновало воды Дона,
Твердило мысленно: «Не утону!»
Оно шагало по дороге пыльной,
Разыскивая номер войсковой,
Написано любовью сильной
И называлось почтой полевой.
Его ждал парень синеокий,
Готовясь вновь атаку отразить,
Сжимая острый лист осоки,
Шептал: «Я должен победить и
жить!»
Письмо тряслось в полуторке

военной,
Минуя взрывы, сполохи огня,
Линованный листок обыкновенный,
Вещал он о рождении меня.
И вот оно настигло адресата,
Но не сияло встречу ему лицо:
На грудь погибшего солдата
Легло устало, горько письмецо.
С тех пор минули многие года,
Живет заветный треугольник с нами,
Отец с Победой не пришел тогда,
Вернул письмо однополчанин маме.
А вместе с ним доставил похоронку:
В атаке огненной погиб боец.
Я в день Победы отхожу в сторонку:
Ты для меня всегда живой, Отец!

Последнему солдату

Ты с трудом стоишь у обелиска,
И в глазах застыли боль и грусть.
На колени пал и поклонился низко
Всем, кто защитил родную Русь.
Ты солдат последний тех военных
Героических сороковых.
В памяти встают колонны пленных
И товарищей шеренги боевых.
Время для живых неумолимо,
Только память прошлое хранит.
Помнишь, пуля пролетела мимо,
Врезалась на сантиметр в гранит.
Помнишь, твоя рота насмерть
билась:
Не было приказа отступить.
За тебя усердней всех молилась
Поседевшая так рано мать.
Смотришь ты сегодня в вечность,
Каплей крови на плите гвоздики.
Принимаешь жизни быстротечность,
Глядя на огня живые блики.
Не грусти, солдат, жива Россия!
Внуки, правнуки Отчизну берегут.
На её просторах с новой силой
Расцветут любовь, семья и труд!

Анастасия Дмитриева, школа №2 города Няндомы

Письмо любимой

Дорогая Варя!
Шлю тебе письмо.
Верю, непременно
Найдёт тебя оно.
На переднем крае
Мы в кольце врага,
Город защищаем
От лютого врага.
Всюду крики, стоны,
Погибает друг.
Словно заколдован
Этот волчий круг!
Огненные шквалы
Льются новь и вновь!
Выжить помогает
Мне твоя любовь!
Если пуля вражья
В бою меня сразит,
Гимнастёрка наши
Письма сохранит.
И возрасту я клёном
Под окном твоим.
С низким Вам поклоном
Любящий Вадим.

Александра Пятышева, школа №2 города Няндомы

Мой дедушка - отважный солдат

Сначала разведчик,
Потом стрелок,
И вот командир батареи.
Освобождал село за селом
Дед мой, Василий Андреич,

Он северный край
Родной защищал.
До Кёнигсберга прорвался,
Отважно «Катюшей» дед управлял,
Насмерть с фашистами дрался.
Вернувшись живым,
Отважный солдат
Семьёй обзавёлся большою,
Построил свой дом
И вырастил сад,
В хозяйство ушёл с головою.
Меня он морошкой
Лесной угощал,
К себе усадив на колени.
Когда на гармошке
«Катюшу» играл,
В глазах его слёзы блестели.
Уж несколько лет
Деда рядышком нет,
Но в память медали хранятся.
В саду деревца
Шлют нам добрый привет,
В окошко ветвями стучатся.

Юлия Моисеева, школа №2 города Няндомы

Драгоценный экспонат

На музейных экспонатах
Надписи читаем мы.
Документы, фото, даты -
Эхо страшной той войны.
На портретах два сыночка,
Что погибли на войне.
Пара сизых голубочков
Приглянулась шибко мне.
Оба смертью храбрых пали
В грозном танковом бою.
Как один, они мечтали

Снова мать обнять свою.
Вокруг рамки полотенце,
А по краю кружева
И идущие от сердца
Мамой вышиты слова.
Даты: та, что сын родился,
Та, что голову сложил.
Старшего Ильёю звали,
Младший был Вениамин.
Ниже вот такая строчка,
Как крапива, сердце жжёт:
«С добрым утречком, сыночки,
Вас как прежде мама ждёт!»

Дарья Лупачева, Архангельская санаторная школа-интернат №1

Военное прошлое моих прадедов

Великая Отечественная война не обошла стороной ни одну советскую семью, оставила свой чёрный след-отпечаток. В моей семье воевали мой прадедуска Николай Павлович Новосёлов, его родные братья и братья его жены, моей прабабушки, Марии Алексеевны. Семь человек из моей семьи сражались за Победу, были ранены, один погиб. И я хочу рассказать о военном прошлом моих прадедов.

Прадедуска Николай по маминой линии до войны был сельским фельдшером, уважаемым человеком, к нему шли за советом не только односельчане, но и председатель колхоза прислушивался к его мнению. Лечил он и людей, одного мужчину даже прооперировал, потому что случай был серьёзный – аппендицит с перитонитом, и до райцентра человека просто-напросто не успели бы довезти. По сути, дедушка совершил подвиг! Вот таким человеком в мирной жизни был Николай Новосёлов!

Когда началась война, дедушке было чуть за сорок, и он сразу поехал в военкомат, так поступили почти все мужчины его села. Даже один старичок семидесяти лет поехал с ними, но уж, конечно, его не взяли на фронт.

Дедушка попал на Северный морской флот, на военный корабль санитарным инструктором, где и прослужил до конца войны. У нас сохранились письма дедушки с фронта, он писал стихи для своей дочери, рассказывал, как они будут жить после войны, когда фашистов разобьют наши доблестные войска. Семья с замиранием сердца ждала весточек от отца и мужа, письма перечитывали по несколько раз, читали всей родне и соседям.

А однажды, 31 марта 1942 года, в газете «Комсомольская правда» была напечатана статья, где упоминался корабль дедушки, сколько же было радости у всей деревни! И эту газету мы до сих пор бережно храним!

Дедушка прошёл всю войну, к счастью, не был ранен, и в октябре 1945 года Николай Павлович Новосёлов был награждён медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

Дедушка вернулся с войны в июне 1945 года, вернулся к любимой семье, работе, присоединился к восстановлению родного села. О войне дедушка не любил рассказывать, всё больше мечтал о будущем, о том, кем станет дочка, когда подрастёт, очень хотел ещё детей. Но, к сожалению, прожил Николай Павлович недолго – в 1948 году он скончался от сердечного приступа прямо на рабочем месте. Старушки на селе говорили, что так и не отпустила, мол, война, сердце изболелось, не выдержало. Дочь Николая Павловича, моя бабушка по маминой линии, много рассказывала семье про своего отца, оставила нам с мамой все документы и велела беречь! И мы, конечно, будем их хранить как память о нашем дедушке!

У прадедушки Николая воевали и родные братья Александр и Василий. Младший, Василий, погиб в самом начале войны, Александр вернулся и затем служил морским офицером в Одессе.

У прабабушки Марии ушли на войну четверо родных братьев. Григорий, самый младший, пропал без вести в 1941 году, Прокопий, Василий и Павел прошли всю войну от начала и до конца, Прокопий был трижды ранен, но они пришли с фронта живые!! И это было огромное счастье для их матери и

родных! Правда, уже в самом конце войны Павел был контужен, и его часто мучили головные боли. Но главное – он был жив!!

Моя семья помнит всех родственников, кому пришлось с оружием в руках защищать своих матерей, жён и детей, свою страну! Мы бережно и трепетно храним память о тех страшных годах, храним ставшие семейной реликвией письма с фронта, документы, фотографии и газету тех военных лет! И я буду рассказывать своим детям и внукам о наших прадедах и об их подвигах на войне!

Александр Рекин, Архангельская санаторная школа-интернат №1

Страницы военных лет

Мою бабушку зовут Щербакова Мария Евгеньевна. Ей в апреле исполнится 80 лет. Ее детство выпало на годы Великой Отечественной войны. Бабушка много рассказывала мне о своей жизни, в том числе и о военных годах. Сейчас мы хотим издать книгу ее воспоминаний. Книга ценна для нас и наших детей.

Вот что вспоминает о войне бабушка Мария: «Папу взяли на фронт в 1942 году. Сначала ему была предоставлена бронь (отсрочка) из-за его очень нужной на ту пору в народном хозяйстве профессии - ветеринарного фельдшера. Ну, а потом бои стали ожесточеннее и брали всех мужчин подряд. Призыв был такой: «Все для фронта, все для Победы». В годы войны, как я помню, мы собирали вещи – портянки в сапоги, носовые платки, носки. Табак растили, вязали рукавицы. Женщины сразу же посылками отправляли все прямо на фронт».

В деревне с раннего утра и до позднего вечера женщины с детьми были на работе: летом заготовка кормов на лугах, осенью - уборка урожая. Малых детей вели в поле собирать колоски от ячменя и ржи. Дети еще и соревновались, кто больше соберет колосков. А мамы детишек поощряли за

это. Для фронта сушили вареный картофель – чистили, резали кружками и клали на решетки из лучины. Картофельные очистки сушили, потом на жерновах дома мололи вместе с зерном. Из такого помола пекли хлеб, а в самый неурожайный год примешивали еще и мох – ягель, получался очень горький, невкусный житник. Чтобы выжить, ели все, что съедобно, так как и фронт нужно было обеспечить.

Школа находилась через дорогу от бабушкиного дома. В годы войны было трудно с учебниками, поэтому выдали один учебник на пять учеников. Дети по очереди делали уроки, передавая книги друг другу. Писали на газетах или старых книгах между строк. Чернил не было, поэтому приходилось в чернильнице разводить сажу, чтобы писать перьевой ручкой. Босиком ходили в школу до снегопада. А зимой носили самодельные валенки – от старой фуфайки отрезали рукава, с одной стороны зашивали, и ногам было тепло. Из старой одежды родителей перешивали пальто, куртки детям. Мама моей бабушки сшила сарафанчик из домотканой ткани, так бабушка очень гордилась обновой перед одноклассницами.

Бабушка Мария очень рано научилась писать печатными буквами левой рукой. Папе написала письмо в треугольнике, его послала мама. Письмо ходило три месяца и вернулось обратно с несколькими наклейками. В воинских частях, где был отец, его не нашли, и письмо вернулось обратно, не найдя своего адресата. Оказалось, отец в это время находился в госпитале, потому что был тяжело ранен в голову и ноги. Он вернулся домой после тяжелого ранения, его комиссовали в августе 1943 года. Бабушка Ксения (мама бабушки Марии) встречала своего мужа на лошади поздно вечером на пристани под Карпогорами. Дети с нетерпением ждали его дома. Как только открылась дверь, и отец на костылях оказался в комнате, то три дочери бросились ему навстречу и повисли на плечах и руках. Дедушка Евгений (отец бабушки) потерял равновесие, и все вместе рухнули на пол, он - в слезах от радости, что дома, а дети - с визгом и радостью, что папа вернулся живой.

Бабуля вспоминает: «Когда папа был на войне, мама каждый день молила Бога, да и нас, детей, научила молиться вместе с ней за папу. Эта простая молитва запомнилась мне на всю жизнь. Папа вернулся один из всей Носовки, и мы были очень рады. В апреле 1945 года родился наш братик Володя».

Из воспоминаний моей бабушки видно, как тяжело приходилось людям в деревне в годы Великой Отечественной войны. Я считаю, нужно нам об этом помнить и чтить память тех, кто воевал и помогал фронту.

Дарья Короткая, Архангельская санаторная школа-интернат №1

Великая Отечественная война в истории моей семьи

Одним из самых страшных событий 20 века для русского человека была Великая Отечественная война. Само слово "война" несёт в себе боль, страх и смерть.

Война - это страшное слово! Голод, смерть, жестокость, болезни, потеря близких и родных - все эти понятия ассоциируются у нас со словом война. Победа в Великой Отечественной войне далась очень тяжело советскому народу. Только представьте: у тысяч ребятишек по всей стране начались долгожданные летние каникулы, многие проводили время в пионерских лагерях. Но подлый враг не знал пощады и наступал стремительно. Утром двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года объявили: началась война с фашистской Германией. Ещё вчерашние школьники, выпускники встали на защиту своей Родины. По сути, многие из них были ещё детьми...

Все сражались плечом к плечу, потому что понимали: судьба страны зависит напрямую от каждого гражданина. Дети помогали взрослым в тылу. Они работали наравне со своими родителями, старшими братьями, сёстрами, незнакомыми людьми, объединёнными общей целью. А как много было детей, подростков, совершивших подвиги, замученных пытками, погибших за свободу своей страны! Валя Котик, Марат Казей, Зина Портнова... Их имена останутся в веках, и мы расскажем о них своим детям и внукам, клянёмся, их подвиги не будут забыты, ведь мы живём сейчас, потому что они подарили нам эту жизнь! Но также я считаю, что каждого ребёнка, пережившего войну, нужно считать героем – ведь они пережили

такой ужас, были лишены детства, повзрослели раньше времени, опалённые огнём войны.

Война коснулась каждой семьи. Мой прадедушка был её участником. Звали его Иван Дмитриевич Короткий. Когда началась война, ему было 33 года. Всю информацию мы узнали из архива, писем с фронта и воспоминаний моей прабабушки. На фронт призвали в октябре 1941 года. Вначале он служил в учебном полку в городе Череповце, откуда был переведён на Волховский фронт в 228 Краснознамённую стрелковую дивизию 1016 полка. На протяжении долгих двух лет дивизия держала оборону в болотистой местности, не давая врагу пройти дальше. Линия фронта проходила между Ленинградом и Великим Новгородом, южнее города Кириши. Особенно было тяжело весной, когда разливался Волхов. После освобождения Новгорода дивизия стала продвигаться на Псков. Были освобождены города: Порхов, Шимск, а за город Дно дивизии было присвоено наименование Дновская. Так с боями и освобождая нашу Родину шёл мой прадедушка. Много он потерял однополчан-земляков. Сотни и тысячи похоронок приходили в Архангельскую область родным. В декабре 1943 прадед пишет, что уже скоро всё закончим с Гитлером. Беспокоится о жене и троих детях, передаёт приветы родным и знакомым. Все дальше и дальше продвигалась война на Запад. Освободив Остров и Псков, дивизия моего прадедушки вошла в Прибалтику. Вражеская Курляндская группировка долго и отчаянно сопротивлялась. В боях с ней и погиб мой прадедушка 25 января 1945 года, не дожив четырех месяцев до Победы. Похоронен в городе Салдус (Латвия) в братской могиле. У нас есть фотография с места его захоронения, и мы обязательно туда съездим всей семьёй, чтобы почтить память родственника-героя, произнести слова благодарности не только от нас, родных, но и от всего русского народа.

У прадедушки было два брата: Пётр и Михаил. Едва Петру исполнилось двадцать, он был отправлен служить на границу. Война началась через год. Спустя несколько месяцев Пётр пропал без вести.

Михаила в 1938 году призвали на службу, в 358 артиллерийский полк. Встретил войну 22 июня, но уже в июле попал в плен. Умер в концлагере в марте 1942 года. Похоронен в Ольштенен (Польша).

Я горжусь моими прадедами. Они совершили настоящий подвиг во имя своей Родины, они ушли из жизни совсем молодыми, но мы их никогда не забудем. Я буду рассказывать своим детям и внукам о дедушках, и это будет та связующая нить, без которой невозможно существование рода людского.

Великая Отечественная война вылилась тяжёлым испытанием для всех. Люди со страхом шли по особой дороге жизни, которая могла оборваться в

любую минуту. В нашей памяти навсегда останется этот бессмертный подвиг советского народа.

**Даниил Горбунов, шк. №55
имени А.И. Анощенкова (г. Архангельск)**

Баллада о тюлене

Вот однажды в день осенний
Я по берегу гулял.
И заметил: у тюленя
Седовласый дед стоял.

Нежно гладил ласт тюлений,
Что-то ласково шептал,
А потом вдруг на колени
Перед памятником встал.

Подбежал я к деду: «Что Вы?
Вам не плохо? Вам помочь?»
На меня глаза он поднял:
- Помоги мне - я не прочь!

Протянул я руку деду,
Он с кряхтеньем поднялся:
- Я, сынок, с тюленем этим
Дважды в жизни родился!

- Как же так? - спросил я деда.
- Расскажу, коль не спешишь.
Нет. Так слушай... - и поведал

До конца свою мне жизнь.

Родился я в тридцать пятом

И в семье я пятым был.

Но о времени проклятом

Помню всё - я не забыл!

Не забыл я ни бомбёжек,

Ни разрухи, ни людей,

Брата своего Серёжку...

Ну, а что всего страшней?

Это голод, жуткий голод:

Кушать хочется до слёз,

Только нечего... И холод,

Жгучий ветер и мороз.

Знаешь, мы о чем мечтали?

Что желали мы, сынок?

Чтобы маме на работе

Дали хлебушка кусок.

Мы в очередях стояли

Долгими часами там,

А всего лишь получали

Хлебушка по триста грамм.

Очень тяжело нам было:

Мать иссохла, я опух,

Брат Сергей сошел в могилу...

В городе разнёсся слух,
Что на море бьют тюленей,
Скоро в город привезут
Много мяса; что тюлени
Нас от голода спасут.

Мать взяла меня на руки:
(Я уже не мог ходить).
- Потерпи, мой милый мальчик,
Скоро с мясом будем жить!

Через день она приносит
Белый маленький брикет.
- Вот, сынок, тебе тюлени
Шлют свой пламенный привет.

Это был кусочек жира.
Если бы ты только знал:
Ничего противней в мире
Я, дружок мой, не едал!

Но, однако ж, что поделать?
Надо есть, коль хочешь жить!
Ох! Как животы болели!
Всю-то зиму, стало быть,

Мы питались жиром этим;
Снова начал я ходить.
Дотянули мы до Победы -
Как такое позабыть?

Если б не было тюленя,
Не сидели б мы с тобой,
Не было б меня на свете,
Мой мальчишка дорогой!

Ну, беги домой и помни
Мой бесхитростный рассказ,
Как тюлень обыкновенный
Город наш от смерти спас».

Не забыл рассказ я деда,
Тот рассказ без красоты,
И тюленю в День Победы
Возложить пришел цветы.